

ЮБИЛЕИ

27 января исполняется 70 лет нашему нештатному корреспонденту, участнику Великой Отечественной войны Удину Федору Михайловичу. Мы, журналисты газеты «Знамя», сердечно поздравляем юбиляра, желаем успехов, здоровья, счастья.

ВОЕННЫЕ БЫЛИ

В жизни каждого человека были события, которые помнятся долго. Особенно глубоко осели в памяти тяжелые, горькие дни прошедшей Великой Отечественной войны. Они не забываемые.

Сейчас можно полнее оценить историческое значение победы над ненавистным врагом. Жизнь стала богаче и красивее, а места, где шли бои, невозможно узнать. Не видно изуродованной бомбами и снарядами земли, разрушенных зданий, обгорелых деревьев. Все восстановлено. Выросли леса, зацвели сады. Красуются белокаменные дома.

В НОЧНОЙ РАЗВЕДКЕ

БЫЛ АВГУСТ 1941 года, первого года войны. Наш батальон только что занял рубеж обороны. Где-то в десяти километрах от нас шел бой.

Нас, пять человек из третьей роты, вызвали в штаб и послали в разведку с заданием: пройти по указанному маршруту к деревне Анташи и узнать о противнике все возможное. Сведения приказывалось периодически доносить в штаб.

Местность была не знакома, ориентировались только по карте. Шли в сумерках. Навстречу нам стали попадаться наши раненые, некоторые как-будто в панике, выкрикивали слова, смешанные с матом: «Куда идете! Всех вас, как котят, передешат!».

Стало уже темно, когда мы подходили к деревне. Продвигались осторожно, ползком и перебежками. Фашисты непрерывно пускали осветительные ракеты. В какой-то мере их свет помог нам ориентироваться на местности, но с другой стороны задерживал наше продвижение.

Мы узнали, что деревня занята немцами. Это нужно было донести в штаб. Первому с донесением пришлось идти мне.

Наступила ночь, темная, хоть глаз коли. На небе — ни звездочки. Немцы тоже перестали пускать ракеты. Непроницаемый мрак как-будто шубой накрыл всю местность.

Компаса при мне не было, и вся надежда была на память. Я помнил, где мы пересекали лес,

где спускались в низину, проходили мимо ржи и картофельного поля. Шел — и как слепой ощупывал руками, где иду, что под ногами, какие растения. Пока все сходилось: прошел лес, ржаное поле, а дальше... — потерял направление. Спустился в дол, чувствую, что сбился с пути. Остановился, прислушался: вдали крики на немецком языке. Вероятно, горлопанили пьяные фрицы.

Тогда стал выбираться из дола в противоположную сторону от немцев. Созрело решение: в крайнем случае — пожертвование своей жизнью, но не попасть в плен. Для предосторожности снял с плеча автомат, взял в правую руку, а в левую — гранату. И пошел, падая, спотыкаясь о какие-то препятствия.

Прошло немало времени, я изрядно устал и присел на землю. И тут уловил вдалеке глухой гул и скрежет. «Да ведь это проходят танки, — пришла догадка, — в той стороне, справа, должно быть шоссе Ленинград — Псков. Значит, я нахожусь на правильном пути».

Несмотря на усталость, надо было идти скорее, так как я и так задержался с донесением. С этой мыслью я поспешил к трассе. Под ноги мне теперь попала твердая, вероятно, грунтовая дорога. Продвигаясь по ней, внезапно увидел впереди что-то вроде сарая, услышал фыркание лошадей и хруст съедаемого корма.

Теперь я решил, что вышел в расположение соседней части, к

хутору Сельцы. Но надо было убедиться, и я кашлянул, чтобы обратить на себя внимание. Меня окликнули: «Кто там?». Услышав русскую речь, уже без опаски пошел на голос. Человек (это был солдат) быстро схватил винтовку, зарядил и наставил на меня дуло. Конечно, он меня боялся, ибо не знал, кто я такой.

Я назвал пароль: «Зима», — и жду, что он скажет отзыв: «Затвор». Но он молчит, а винтовку держит на прицеле. Тогда я говорю, что я свой, иду из разведки. Хочу всячески показать, что я не опасен: спрятал гранату, забросил на плечо автомат — он не реагирует и на это.

Так мы стояли друг против друга долго.

— Что же, я долго его буду убеждать? Мне ведь скорее надо, а он не спешит, ему лошадей кормить, — подумал я.

Тем временем стало светать, и солдат, видимо, разглядел мои зеленые петлицы пограничника и звездочку на бескозырке. А я говорю: «Слушай, солдат, ты лучше мне укажи дорогу к дежурному или начальнику караула вашей части — они разберутся».

Вот только тогда он опустил винтовку и показал мне дорогу.

— А ведь мог он меня заколоть, зная бы никто не знал, — думал я дорогой. Так можно нелепо погибнуть, не выполнив приказа.

Начальник караула указал мне, куда идти, чтобы не попасть на минное поле, и я поспешил к своим. Вышел на трассу, подумал, что все страшное позади. А тут вдруг снаряд: просвистел прямо над головой. Упал он рядом, не разорвался, упал и я возле него: бежать было некогда и бессмысленно. Полежав с минуту или две, слышу: снаряд покатился по наклону с дороги в кювет. Я встал. Так мы мирно со смертью разошлись.

Шел я в штаб с донесением и думал: как дорога жизнь человеку, и как дешево ею платить приходится. Какое бесчеловечное и жестокое лицо у войны!

Ф. УДИН,
ветеран Великой Отечественной войны, участник обороны Ленинграда.

Редактор
И. И. КУДРЯШОВ.

В праздник Победы, столь дорогой сердцу каждого человека, мне на память приходят иные, страшные дни, когда жизнь многих тысяч советских граждан ежеминутно подвергалась смертельной опасности. Я находился тогда в осажденном Ленинграде. Трудно передать словами, какие лишения переносили мы в блокадные дни. Здоровому человеку и то бы трудно их перенести, а я лежал в госпитале после ампутации ноги.

Некоторых раненых эвакуировали на Большую землю самолетами, хотя это было рискованно, и не каждый самолет долетал до пункта назначения. Нам же и на такую эвакуацию нельзя было надеяться. Мы лежали в холодных палатах, ожидая самого худшего.

И вдруг пришла радостная весть о прорыве блокады со стороны Волхова, а «дороге жизни» через Ладожское озеро.

Ожидали, что вот-вот нас позовут в машины. Прошел час, другой. Нас не звали. Утешая себя, мы говорили: «Конечно же, ночью двигаться безопаснее». Но прошла эта ночь, еще день, а за нами все не приезжали. Только через неделю нас, наконец, повезли в поезде на берег Ладожского озера. Поезд шел так медленно, что его мог обогнать даже пешеход. Навстречу шли один за другим эшелоны с техникой, танками, людьми.

Перед тем как перевезти нас на автомобилях, раненых поместили в палатки на берегу Ладожского озера. В феврале на мерзлой земле не так-то просто было лежать. Нам наломали сосновых веток, устлали ими дно палаток. Сверху ветки накрыли брезентом, а на него поставили печки-буржуйки. На свирепом морозе под свистящим ветром со стороны Ладоги мы трое суток лежали в брезентовых палатках. Конечно же, все старались быть поближе к раскаленной докрасна буржуйке.

На четвертые сутки нас погрузили в автомашины и повезли в город Тихвин, чтобы отправить в Вологду. В поезде мы почувствовали себя в безопасности и крепко спали, изредка только просыпаясь.

Из Вологды нас отправили в тыловой город Соликамск. Когда ночью мы подъезжали к нему, он весь светился огнями. Нам казалось, что мы попали в другой мир, в котором не надо прятаться от бомбежек, лежать среди трупов. Это было какое-то прекрасное видение.

В госпитале, в который нас привезли, мы поразились, увидев сытых, чистых больных. Ходили врачи, медсестры в белых халатах. Это было необычно. Наши глаза горели голодным блеском и многие из госпитальных больных отдавали нам свой хлеб. Мы с жадностью ели его. Желудок болел, а глаза никак не могли насытиться.

Победа. Мир. Тот, кто пережил ужасы войны, знает цену этим словам.

Ф. УДИН,

инвалид Великой Отечественной войны.